Геннадий КАНЕВСКИЙ

Геннадий Каневский родился в 1965 году в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый Берег» и мн. др. Автор десяти книг поэзии, выходивших в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Нью-Йорка и Тель-Авива. Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премий «Московский наблюдатель» (2013), журнала «Октябрь» (2015), специальных премий «Московский счет» за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019). С 2022 года проживает в г. Холон (Израиль). В «Волге» публикуется с 2009 года.

СУХИМИ ГУБАМИ

***

мягкие плечи холмов защищают город.
пыль и стекло отличаются гласной буквой
в каждом окне, а также на местном наречье.
юг неспокоен, и ссудная касса пуста.

треск в эфире, треск в эфире по мере того как
радиостанции начинают артподготовку
к бодрых словес заградительному огню.

дирижёр потирает ладони, похрустывает суставами.
оркестранты шепотом обсуждают
цены на воздух и хлеб, для вида дёргая струны.

ма зе, ма зе, гиверет?[1] – с недоумением вскрикивает
контролёр в автобусе, глядя на наставленный
на него женщиной пистолет.

оперу буффа не помнят те, кто выбрал
оперу сериа. главное, чтобы все партии
были чётко прописаны в либретто.

у тебя своя правда, у меня своя правда,
нет неправды, неправды не существует,
шёпот помощника режиссера «через пять минут занавес».

***

свет, переходы, вереск, острые козырьки,
след у реки, окурки, втоптанные в песок.

сделай всё это сам

веки подняв, но даже лба не перекрестив,

[1] что это, что это, госпожа? *(ивр.)*

ведомость заполняя, наклоняя к огню

крылья и шеи птиц,

все вы здесь очутились будто сами собой.
кто подписал контракт, кто на бирже ваньку валял,

кто в кофейне уснул.

тот, в ракушечной будке, шепнёт, что – дёрнуть рычаг,
что – опустить на клавиши, что – наступить ногой

на незаметный люк.

дальше само пойдёт.

[1. цикада умирающего вентилятора]

задевая лопастью за пустой
воздух клетки грудной
ночи пьяной водки простой
по зазубренной по одной
рассчитайтесь как вас учили на
сборах воздушных сил
тех где не было победителей и побеждённых
рассып***а***лся в воздухе мак награждённых
я там был
и потом не любил вспоминать
как шпионов ловил по дыханью за шторой
как любую рану иглою штопал
и под роспись выписывал л***нал

ну взлетай уже застоявшийся магазин
нежных звуков навязчивых
мазган[2] тыловых красоток
на участке пустом ветеранском в двенадцать соток
ты один
левитация львов
гравитация гравия
тр-тр-тр ты скрипишь из подъезда на весь район
пункт один: быть увечным
два: твёрдо выучить правила
три: стоять на своём

[2. вентилятор ожившей цикады]

как назло то песок то глина
и на их ладонях ты нарасхват видна
жизнь джульетта мазина

[2] кондиционер (ивр.)

самосевок розничного магазина
смерть облупленная стена
от неё отделившись и закатав рукава
ты жива

и теперь принимайся за труд подённый
звук измызганный средь мизрахи[3]-красот
чем не маршал какой не семён будённый
генерал драгунский – он более тут подойдёт
но когда попросишь
смерти
отпуска
отдыха
краткого реприманда
ретирады от двух надоевших фраз
никуда не отпустит тебя наша злая банда
грязи зноя и нежности
ну и медная жакаранда
и латунный баньян
сочинившие мир для нас

***

я лютеран люблю богослуженье:
артерий их смертельное суженье,
полей сражений каменные глыбы
и их записки об уженье рыбы.
столь тщательно прожёвывают пищу,
что – попадётся им случайный хрящик,
они покорно на него не ропщут,
творца благодарят за малый прыщик,
у родника напьются – принц и нищий –
и мзду себе в посмертии обрящут.

а я иду долиной всех пропащих,
где в рубище одетые мужчины
скитаются среди кустов лещины
со сложными и суточными щами,
и смотрят на экранах запрещённых
своих устройств, потёртых словно щепки,
старинный психотриллер «непрощённый».
нам в детстве только это обещали.
мы ни на что не тратили усилий.
считалкой, как обычно, посчитаем,
кто среди нас – сегодняшний вергилий,
кто поведёт нетрезвыми кругами,
из лет бумажных сложит оригами.
убитый домик, в нём – убитый билли,
всё тщательно замотано бинтами.
мы так легко ещё не улетали.
мы так темно и тесно не любили.

---

[3] здесь: «восточный» стиль поп-музыки (ивр.)

***

тонкой ручкой
на уходящем лете
нарисуют абрис всего на свете.

чёрно-белым дням
не годится колер.
всё что нужно им – исходящий номер.

в непохожем мире
откроют трекер
души мёртвых – пекарь, рыб***а***рь, аптекарь –

забирают дни
в элизийских рощах.
сушат меж страницами книг пропащих.

и когда мы выедем
(за грибами –
все решат, а мы – за последним солнцем),

нам сухими губами
шепнёт гербарий,
записав нас в медленные эстонцы,

что во веки веков,
и ныне, и присно,
нам писать о прошлой, о сложной жизни,

а пред нами лежат
лишь простые числа,
не делимые на «светло» и «чисто».

***

проза – это

покупка квартиры
тщательный выбор
мебели и интерьера
вместе с той
с которой вы проведёте
первую ночь
на новом месте

поэзия – это

в начале
и конце жизни

тебя вывозят
в коляске на улицу
чтобы ты почувствовал
движение воздуха

***

столько снов, что не помнится ни один,
и дорог – из дома не выйти.
и василий – призрачный – бородин
знай стоит, как зеркало в лифте.
словно хочет что-то сказать без слов,
но не мне, а тому, кто сзади
простирает крылья дорог и снов
да считает медь христа ради.

в переходе петь на мотив дурной,
стрекотать за оконной створкой,
пред лицом – один, за спиной – другой,
сладкий ливень в городе горький,
и внутри – какой-то стеклянный шар,
опус, съёжившийся до звука,
будто дали временно подышать,
а сейчас предстоит разлука.

***

был город насажен на каменный вертел.
скрипели перила.

– гуляя со мной, ты гуляешь со смертью, –
она говорила.

и ручку вертели усталые руки.
и небо в засосах.

и голос страдал о привычной разлуке
для голых и б***о***сых.

а день завершался, пошитый с запасом,
нелепый покроем.

и каменным ванам, и облачным асам,
и птицевым кронам

они, не сговариваясь, поклонились
у круга трамвая,

всей музыке, певшей про малость и милость,
без слов подпевая.